

ЛИТКЛУБ

Век клуб - 2001 - 29 июля - с. 10

АНДРЕЙ ЧЕРНОВ
ПРОЧЕЛ ШЕКСПИРА ПО-НОВОМУ

ГАМЛЕТ В СЕТЯХ ШПИОНАЖА

В юности поэт Чернов сделал стихотворный перевод древнерусского памятника литературы «Слово о полку Игореве». А недавно закончил новую работу — заново перевел с английского шекспировскую трагедию «Гамлет». Последние полвека читатели и театралы знали эту пьесу в поэтическом переложении Бориса Пастернака, теперь нам предложено новое прочтение истории датского принца.

— Андрей, а зачем надо переводить «Гамлета»? Пастернака с Лозинским мало?

— Я люблю стихи Пастернака, но я никогда не мог прочитать ни его перевод, ни перевод Лозинского до конца — мне было скучно. На-

пример, «Быть или не быть? Вот в чем вопрос...» Такое может произнести Полоний, а не Гамлет.

— Почему?

— Да потому, что по-русски это тяжело и напыщенно. «Так быть или не быть? Ну и вопрос!..»

Или вот знаменитая фраза короля: «Не пей вина, Гертруда». Прав Б. Г., когда пародирует это, продолжая строку: «Пьянство не красит дам!» В оригинале король рычит: «Не тронь вина, Гертруда!»

— Ну, хорошо, с этим все ясно. Но ведь в вашем переводе изменился еще и сюжет.

— Есть человек. Его зовут Горацио. Его имя очень похоже на него самого. Это очень рациональный человек, прагматик. Он приезжает в Данию со своими друзьями-швейцарцами. Узнает, что здешний принц поехал учиться в Виттенберг и едет туда, чтобы подружиться с принцем, а потом возвращается в Эльсинор вслед за Гамлетом. Цель Горацио — стать вторым лицом в Дании. Стражники рассказывают ему о призраке. Он понимает, что это его второй шанс и рассказывает о призраке принцу. Потом дядя-убийца высылает Гамлета из Дании. Горацио остается не у дел и идет на службу к королю. Он открывает, что безумная Офелия готовит восстание. Король приказывает утопить Офелию, и Горацио выполняет этот приказ. Возвращается принц. Дальше — поединок, бокал с ядом, Горацио ломает комедию, мол, он тоже выпьет яд. Это тип Молчалина, новый тип для Шекспира — парвеню. Ему нужно стать новым Полонием, и с третьей попытки он достигает своей цели.

— Андрей, а с чего вы это взяли, в тексте ведь нет прямых подтверждений вашей трактовке?

— Во-первых, есть. Просто на текст Шекспира можно смотреть

как на текст условный, в котором много противоречий и недомолвок, а можно исходить из того, что академик Лихачев назвал «презумпцией художественности». Я исхожу из второго положения, а шекспироведы из первого. Впрочем, тут надо читать мой комментарий.

— Но про утопление Офелии объясните, пожалуйста, сейчас.

— Любой художественный текст — это система знаков. Есть текст гениальный, в нем по определению нет ничего лишнего. Мы можем не обратить внимания на то, что после высылки Гамлета именно Горацио приходит к королю с доносом на Офелию: она безумна, но сеет опасные семена в озлобленных умах. Но мы не имеем права не услышать слова короля, сказанные вслед Офелии: «Следуйте за ней по пятам», и не заметить ремарки: «Горацио уходит». Да, это шифр, но шифр на том, что в шекспировские времена было бесцельно: Евангелие от Иоанна. Так Иуда выходит после слов Христа: «Что делаешь, делай скорее». А потом и впрямь начнется восстание (Горацио, уже пошедший на службу к королю, оказался прав), но король сумеет уберечь Лаэрта, а потом придет королева, расскажет неправдоподобную историю о том, как Офелия (очень вовремя) утонула в ручье, о том, как она была прекрасна и пела разные народные песенки. Кто это видел и кто это слышал, с чьих слов рассказывает королева? Конечно, со слов того, кто пошел по пятам.

— А шекспироведы вас не убили за такой взгляд на Горацио?

— Нет. Потому что по большей части они интеллигентные люди. И для диалога совершенно не обязательно, чтобы вы разделяли мнение вашего оппонента.

— А что говорят те, кто уже слышал ваш перевод?

— Да разное говорят. Большинству вроде бы нравится. Спрашивают, когда и кем это будет поставлено.

— А когда и кем?

— А я не знаю. Мое дело — дописать свой текст, доделать комментарий, дописать статью о том, что применительно к «Гамлету» можно назвать «поэтикой загадок».

— Вы думаете, что вы смогли решить все гамлетовские загадки?

— Да нет, кажется, я еще в своем уме.

— А то, что вы навязываете режиссеру свою трактовку — это тоже не ваше дело?

— Пожалуйста, ставьте, как ставили, держите Горацио за «благороднейшего из людей» и ошибайтесь вслед за Гамлетом. Считайте, что Офелия просто вовремя (для короля) утонула. Я не режиссер, а исследователь. Меня интересуют не трактовки, а реконструкция того, как видел свою пьесу Шекспир. Конечно, будет обидно, если мой перевод станут ставить по-старинке, и вновь получится, что у Горацио «роль дуэньи» (как метко выразилась одна моя знакомая). «Роль дуэньи», растянутая на целую пьесу. Помните анекдот про слесаря, работающего на заводе швейных машин? Он в конце концов завыл: «Полвека выношу детали, а швейную машину собрать не

могу. Все время пулемет получает!» Ровно так и с «Гамлетом».

— А есть кто-нибудь среди режиссеров, кому может быть близка ваша реконструкция?

— Когда переводил, я считал, что делаю это для моего любимого режиссера Алексея Германа, и я даже сказал ему об этом. И Алексей меня понял. Просто мне нужно было для самого себя поднять планку. Но это совсем не значит, что Герман захочет ставить моего или какого-то другого «Гамлета».

— А, все-таки, ваш или вы готовы с кем-то поделиться?

— Да конечно готов. Мой друг, художник Дмитрий Крымов полгода назад сказал мне, что хотел бы поставить Гамлета. Но сейчас у него другая работа. А, если интересно, на главную роль я хотел пригласить Максима Галкина, и даже говорил с ним на этот предмет по телефону, но буквально через два дня Максим стал телеведущим. (Впрочем, остается еще роль Горацио!) А на днях меня познакомили с Дмитрием Хартманом. Мы заговорили о «Гамлете», и я вдруг увидел, как он похож на молодого Смоктуновского. Мне кажется, я даже знаю Офелию — это Катя Ишимцева из «Сферы».

— Так, может быть, сами и поставите?

— Я не люблю ходить в парикмахерскую, и стригу себя сам, но глаза пойду лечить к специалисту. Потому что дураками мы становимся не сами по себе, а когда переступаем через порог своей компетенции.

Беседовала
Ольга СТОРОЖИЛОВА

КОММЕНТАРИЙ ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА ИГОРЯ ШАЙТАНОВА

Как я отношусь к тому, что делает Андрей Чернов? Хорошо. Когда мне обычно говорят о загадке Пушкина, я понимаю, что речь пойдет о Дантесе. А загадка Шекспира — граф Ретленд или кто-нибудь еще, якобы написавший его пьесы. То, что делает Чернов, возвращает к Шекспиру, чтобы прочесть его текст. Это уже достижение.

Согласен ли я с тем, что делает Чернов? Если иметь в виду злодейскую роль Горацио в пьесе, то нет. Но я хочу понять, почему такая мысль могла прийти в голову талантливому человеку. Есть ли для этого повод? Насколько я знаю (хотя о Шекспире существует море литературы, и за всем не уследишь), дело по обвинению Горацио прежде не возбуждалось. Некоторые неясности существу-

ют, но Шекспир и не собирается всего разъяснять. Ничего неизвестно о происхождении Горацио. Он просто — гуманист при датском дворе. Для гуманиста, человека классической учености, обычная роль — советник при государе или при принце. Так что Горацио остается в рамках своей профессии.

Несколько неожиданно, что после отъезда Гамлета в Англию, Горацио появляется, чтобы объявить королеве о безумии Офелии. В шекспировском театре экономно относились к актерской труппе: исполнитель второстепенной роли мог выйти — вне характера — в качестве вестника, создавал массовку. Вот и Горацио: вышел, объявил и более с этим сюжетом не связан. Он даже не знает о смерти Офелии, когда вместе с

Гамлетом оказывается на кладбище.

Андрей Чернов ему не верит и всякое лыко ставит в строку, то есть вписывает в характер. Это заставляет перетолковывать каждое слово, прежде произнесенное, потому что ничего открыто и дурного, тем более злодейского, Горацио не совершил. Ни в тексте, ни в действии этого нет. Приходится придумывать. Горацио не то топил Офелию (багром от берега отталкивает?), не то наблюдает, как она тонет. Горацио приказывает совершить ритуальное убийство старого Гамлета, когда соглашается, чтобы офицер ударил его алебардой....

Это все фантазия. Никакой дополнительной пантомимы у Шекспира быть не могло, хотя бы потому, что именно Гамлет, давая советы актерам, презрительно гово-

рит о «невразумительных пантомимах», любезных лишь толпе. Это отыгранный и, в глазах Шекспира, смешной прием. Что же касается алебарды и Призрака... А откуда явился Призрак и кто он такой? Вопрос простой до 1535 года, пока Реформация не отменила Чистилища. Оттуда приходили души недавно умерших, ожидавшие решения своей окончательной судьбы. Потом же все неизменно усложнилось. Сначала Горацио, а потом Гамлет, сомневаются — не дьявол ли это. Так что алебарда применена не для «ритуального царевубийства», а для испытания мистического существа, возможно, борьбы с дьяволом, для чего, уж точно, все средства хороши.

Так можно комментировать любой пункт обвинения против Горацио. На мой взгляд, дело рас-

сыпается. Состав преступления нет. Но почему дело было заведено Черновым? В своем переводе он сменил регистр стиля. Отменил высокую поэзию и включил грибоедовский тон сатирической комедии.

Изменилось освещение, иными предстали лица. Философ-стоик Горацио превратился в Молчалина, а в условиях прежде трагического сюжета, естественно, съехал в мелодраматического злодея. Произошла смена всей системы культурных представлений и ценностей. Горацио во дворец? Значит, примазался к власти, пошел на компромисс, короче, — подлец и предатель. Очень русский, очень интеллигентский взгляд. Да и может ли быть иначе в переводе-интерпретации, который, как оказалось, был начат в ночь смерти А. Д.

Синявского и посвящен памяти этого прославленного диссидента.

То, что делает Андрей Чернов для меня скорее не перевод «Гамлета», а работа над какой-то новой пьесой. Скажем — «Горацио». Что же в этом плохого? Одна из самых прославленных пьес последних десятилетий называется «Розенкранц и Гильденстерн умерли». Том Стоппард удачно поборолся с Шекспиром, увидев его сюжет глазами не героя трагедии, а участника массовки. Андрей Чернов делает что-то похожее, но делает по-русски, с традиционным для нашей культуры неприятием «умеренности и аккуратности», которое так обычно изумляет иностранцев, не понимающих — что же плохого в этих двух качествах и почему ими наделен один из самых презираемых героев русской литературы.